

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЗЕМЛИ СЛАСТИ

«ИЗВЕСТИЯ» · 1984

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЗЕМЛИ
СПАСТИ

ББК 66.3(2)6

Р62

Рождественский Р. И.

Землю спасти.— М.: Известия, 1984.— 48 с.

Известный поэт в стихах и прозе призывает человечество вести неустанную, активную борьбу с поджигателями ядерной войны, крепить святое дело мира.

Брошюра рассчитана на широкие читательские массы.

Р $\frac{4702010200 — 085}{074(02) — 84}$ — 100 — 84

ББК 66.3(2)6
32С8

СЛУШАЯ РАДИО

Земля

с пустынной жаждой городов,
с капелью, колотящейся о камни,
с раздумьем океанов и прудов,
с ползущими на небо ледниками.

Земля

с пунцовым откровеньем зорь,
земля
в переплетенье снежных линий,
усыпанная зябкою росой,
обнявшая тропические ливни.

Земля

со всевозможною
водой:

речушками,
криницами,
морями.

С величественным паром над плитой.

Земля

с теплом Пицунды

и Майами,

с глотком вина в гортани пастуха,

с ангарским бегом,

с медленностью Вислы —

так страшно,
так немислимо
суха,

что может вспыхнуть

от случайной искры!

ВЫБОР

У каждого человека есть свобода выбора. Не кажущаяся — настоящая.

Выбор начинается с самого детства и продолжается до последних секунд человеческой жизни. Он зависит от многих причин: от условий, в которых живет человек, от его характера, от общественных идеалов, от учителей, от родителей, от книг и фильмов, от погоды и непогоды, от удач и неудач, от любви и ненависти.

Выбор существует ежедневно, ежеминутно. Разный по своей серьезности, неодинаковый по своим последствиям, то общий для многих людей, то свойственный единицам.

Шагнуть или не шагнуть? Промолчать или ответить? Стерпеть или не стерпеть? Превозмочь или отступить? Куда пойти учиться? Да или нет? Как жить? Что делать? Быть или не быть?

Вопросы-громады и вопросы-карлики. Вопросы-океаны и вопросы-капли.

Ответы не всегда однозначны. Да и выбирать-то чаще всего приходится не между «или — или». Число этих самых «или» порою бывает бесконечным.

И все-таки человек выбирает. Выбирает мужественно и трудно. Открыто и серьезно. Человек пользуется свободой выбора, сравнивает свою точку зрения с точкой зрения других, выслушивает возражения, думает, сомневается, спорит, отстаивает свою правоту.

Выбрать правильное решение человеку помогают опыт прошедших поколений и инстинкт, советы друзей и собственная практика, своды законов и случайные озарения.

Многое помогает человеку. Однако порою мир вокруг все равно кажется ему чужим и оглушительным, незнакомым и страшным.

Действительно, мы живем на земле такой огромной, что и целой человеческой жизни не хватит на то, чтобы пешком обойти земной шар.

Но — одновременно — мы живем на земле такой маленькой, что выстрел, раздавшийся в одном конце земного шара, мгновенно слышат все. Увеличение скорости самолетов и скорости обмена информацией привело к тому, что земной шар, физически оставаясь огромным, с каждым днем становится все меньше и меньше.

Разобраться в калейдоскопе событий очень трудно. Выбрать из многих решений единственно правильное — невероятно сложно.

От века, от времени нельзя отпрянуть, нельзя отойти, они близко, они вплотную. Ежедневно, ежечасно идет проверка человеческой выдержки, человеческой убежденности, мудрости, мгновенной способности ориентироваться в невероятной суете дней.

Казалось бы, человек не может существовать в таком бешеном темпе! Казалось бы, жизнь должна захлестнуть человека, поглотить его!

Слабые действительно не выдерживают. То там, то тут прорывается: Надоело! Все надоело! И то, что те говорят, и то, что — эти. И то, о чем щебечет телевизионная дива. И о чем орут газеты. Надоел непрекращающийся трép! На-до-ел! Ведь можно же, в конце концов, не интересоваться этим чертовым, взбесившимся, проклятым миром?! Можно ведь жить, не вмешиваясь в политику?! Можно или нет?

Можно. Пожалуйста, не вмешивайся.

Нацепи значок: «Политика — это грязь!» Или другой: «Все мои желания реальны!» Пусть это будет твоим девизом. Визитной карточкой. Чтобы каждый, кто встретит тебя, мог знать, с кем он имеет дело... Газеты? А ты их не читай! На черта они тебе сдались, эти шуршащие, пачкающие полотна, эти листки, источающие яд?! Не выписывай их. И не покупай. (Иногда, конечно, можно... Завернуть что-нибудь или еще для чего...) Телевизор? Ну, с ним-то расправиться — пара пустяков. Его вообще можно не включать. Пусть себе стоит в углу — погасший фонарь с экраном, как бельмо... Радио? Щелк! — и диктор подавился. Нету диктора. Пропал. Оборвались на полуслове его профессиональные вопли о том, что где-то кто-то кого-то убивает, что на чью-то землю падают бомбы...

Ну их всех! Только твои желания реальны. Ты — вне политики. Ты жаждешь быть свободным. Ты хочешь уберечь хрупкий и драгоценный аппарат своего мозга от чуждых влияний. Правильно делаешь — оберегай! Послушай музыку — это успокаивает. Полистай книжку. Чего-нибудь легонькое. Для души. Или просто сядь в кресло, закрой глаза и тихо-тихо повторяй про себя: «Я свободен, я свободен, я свободен... Я — вне политики. Дела этого мира меня не касаются. Ибо

я сам — целый мир. Таинственный, странный, прекрасный...»

Бог с тобою, пользуйся своей свободой, пользуйся! Закройся в своей башне из слоновой кости. (Хотя какая сейчас слоновая кость? Откуда?! За окном — век полимеров, эпоха пластмасс.)

Что ж, тогда заберись в свою полиэтиленовую башню. И твори в тишине. Создавай этакое вечное, до которого окружающие не доросли. И не дорастут. А впрочем, что тебе окружающие! Я же чуть не забыл: ты — сам по себе, они — сами по себе...

Когда устанешь «творить», сиди и учи на память биографии знаменитых предков, которые якобы жили так, как ты. Жили, обходясь без политики. Развесь над столом портреты гениев, которых при жизни люди ругали, уничтожали, клеймили, а после смерти ставили им памятники. Почаще гляди на эти портреты. Это возбуждает. И даже придает некий высший смысл твоему существованию.

А что касается будущего памятника, то мысленно ты даже можешь выбрать для него подходящее место. И позу. (Потренируйся перед зеркалом.) Жаль, правда, что потомки не узнают об этой позе, очень жаль. Но уж положишься на грядущих скульпторов. Они обязательно изобразят что-нибудь величественное, они будут стараться, поверь! Еще бы: создать памятник абсолютно свободному человеку!..

Итак, будь свободным. Будь счастливым. Не касайся политики. Живи. Мысли. Существовай.

Только, пожалуйста, не удивляйся и не обижайся, если однажды пластмассовая дверь твоей уютной башни задрожит от гулких ударов. И хорошенько запомни на будущее: когда в дверь стучат прикладами, верх наивности спрашивать: «Кто там?» Там — не свои. Там чужие. Настал момент, и эти чужие возжелали лично познакомиться с тобой, человек, не касающийся политики...

Пластмассовая дверь рухнет со стоном, и на пороге твоей «свободной обители» вырастет парень с автоматом. Рукава его солдатской куртки будут закатаны, а на лице его — черном от гари лице — застынет гримаса любопытства. Он оглядит твою комнату, твои вещи. А потом оглядит тебя, как вещь...

Он засмеется в голос, когда ты начнешь ему лепетать что-то насчет «свободы личности». Он даже хлоп-

нет тебя по плечу — до того ты его развеселишь своим бормотанием!..

Он засмеется и будет прав, этот солдат.

Потому что если ты свободен в своих поступках, то почему это ему нельзя быть свободным в своих?! (Логично, не правда ли?) И если уж все твои желания реальны, то — согласишься — у этого парня с автоматом могут возникнуть свои желания. А кроме того, у него еще есть и автомат. Следовательно, на данном этапе его желания несколько реальнее твоих. Хотя бы до тех пор, пока в автомате есть патроны.

Вот ты, например, всю жизнь плевал на то, что происходит в мире, а сегодня этому парню захотелось плюнуть на тебя. Желание у него такое возникло. Каприз.

Он понял, что для его «личной свободы» необходимо пространство. Жизненное. Недра земли, на которой стоит твоя полиэтиленовая башня, ему понравились. А еще приглянулись дочери твоего народа. И пейзаж этой страны ему подходит. Ничего себе пейзаж. Приятный. Живописный такой. В этом пейзаже парень желает пожить. Вписаться, так сказать. Захотелось ему, понимаешь? Свободен он, черт возьми, или не свободен?! (Ну, а ежели его «свобода» каким-то образом ущемляет твою «свободу» — прости...)

Ладно, допустим, я не прав. Допустим, когда этот парень вырастет на пороге твоего дома, ты будешь защищаться. Но как ты это сможешь сделать — один? Как? И какая мысль будет последней в твоем гаснущем мозгу? Мысль о том, что жил ты зряшно? О том, что глупо умирать вдруг, ни с того ни с сего, умирать просто так? О чем еще? Я не знаю.

Я только знаю, что, если ты умрешь даже не от пули и не от бомбы, если ты умрешь в своей постели от старости — умиротворенный, аполитичный, свободный, уверенный в своей непогрешимости, — все равно твоя свобода не стоит выеденного яйца. Потому что ты лжешь самому себе, отворачиваясь от политики!

Мир устроен так: быть вне политики — это, помимо фарисейства, тоже политика!

Вполне конкретная. Имеющая определенные — весьма древние — традиции. Служащая определенным классам, определенным целям, определенным идеалам. Так обстояло дело во все времена, так оно обстоит и

сегодня. Независимо от того, хочешь ты этого или не хочешь.

Внешне же твоя «аполитичность» напоминает поведение ребенка, который, закрыв глаза ладошками, думает, что его не видно. Ребенок счастлив, когда взрослые начинают притворно ахать и причитать: «Где это наш мальчик?! Куда это он спрятался?!»

Ребенку весело. С ним играют. С тобой так играть не будут. А если и будут, то только до тех пор, пока «сильных мира сего» устраивает твоя невмешательская позиция. Только до тех пор.

И когда ты оторвешь ладони от глаз, когда ты пригодишься крикнуть: «Вот он я!!» — никто не обрадуется, никто не погладит тебя по голове. И окажется, что все время, пока ты был с закрытыми глазами, пока ты играл в свою «личную свободу», — жизнь продолжалась и тебя вели. Вели, не думая о тебе. Вели, презирая тебя. Вели, посмеиваясь над твоей глупостью и наивностью.

Ты оторвешь ладони от глаз, оглядишься вокруг и... дай бог, чтобы у тебя хватило времени отшатнуться от края пропасти!..

Вот так-то, милый ревнитель «свободы, которая — вне политики».

Пора называть вещи своими именами. Пора понять, что в «театре», именуемом жизнью, зрительного зала не существует. Есть борьба. Есть схватка. Мест «над схваткой» или «около схватки» архитектор не предусмотрел. Нет таких мест. И никогда не будет!

А значит, каждому человеку надо еще и еще раз продумать свое отношение к тому, что происходит в нынешнем тревожном мире. Каждому человеку надо сделать выбор. Правильный выбор. И — действовать.

Понятие «мы» состоит из миллионов «я». Разных «я». Абсолютно не похожих друг на друга. Добрых и злых. Старых и молодых. Спокойных и темпераментных. Отягощенных семьей и одиноких. Ворочающих целыми отраслями промышленности и отвечающих, скажем, всего лишь за чистоту на лестничной клетке.

«Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем,— кто ж тогда развеет тьму?» Назым Хикмет спрашивал об этом не зря.

И совсем не зря поставил он личное местоимение «я» впереди личных местоимений «ты» и «мы».

Такое «яканье» в данном случае вовсе не признак нескромности. И не выпячивание собственной персоны. Речь-то ведь идет о горении! Горении во имя свободы. Во имя будущего. Во имя того, чтобы тьма безумных рассуждений о допустимости ядерной войны была развеяна навсегда!

Так что «я», стоящее в самом начале, здесь удивительно на месте. Потому что сегодня только так и можно жить на этой древней, на этой прекрасной, на этой кровоточащей планете!

И если ты хочешь, чтобы человечество стало мудрее, чем оно есть, начинай с себя.

И если ты хочешь, чтобы новой войны не было, чтобы все люди на земле стали сторонниками мира, начинай с себя!

И не спрашивай: «А что я могу?..»

Ты можешь. Ты все можешь!

* * *

Что же такое
«мы»?

Мы —
из лесов безбрежных.
Мы —
из блокадной тьмы.
Мы —
из стихов сгоревших.
Из невысских изб.
Песенного всесилья.
Мы —
из бессмертья.

Из

плоти твоей,
Россия!
Мы от свинцовых розг
падали в снег с разбега.
Но —
поднимались в рост,
звонкие, как победа!
Как продолжение дня,
шли
тяжело и мощно...
Можно
убить
меня.

...Лезли
те,
кому повезло.
Мышцы в комок сводило.
Лезли!
(Такого
быть не могло!
Быть не могло.
Но — было...)
Лезли,
забыв навсегда слова,
глаза напрягая
до рези...
Сколько прошло?
Час или два?
Жизнь или две?
Лезли!
Будто на самую
крышу войны...
И вот,
почти как виденье,
из пропасти
на краю стены
молча
выросли
тени.
И так же молча —
сквозь круговерть
и колыханье мрака —
шагнули!
Была
безмолвной, как смерть,
страшная их атака!..
Через минуту
растаял чад
и грохот
короткого боя...
Давайте и мы
иногда
молчать,
Об их молчании
помним.

говатого лица и гигантского круглого шара прически. Было даже непонятно, как может держаться такой шар на худенькой вытянутой шее.

Одна из девушек играла на гитаре. А так как гитара была большой, а девушка — маленькой, то гитаристка смешно выпячивала подбородок и выглядывала из-за гитары, как начинающий пловец из воды.

Но играла она хорошо. И пели они хорошо. Все трое.

— Куда подевались цветы?
Скажи мне, что стало с цветами
С тех давних пор?..
— Девушки их сорвали...

Надо сказать, что перед тем как начать эту свою песню, они долго спорили, выбирая, что же для нас спеть. Троица перебивала друг друга, выслушивала и отвергала советы со стороны, обсуждала варианты, пока наконец гитаристка не взяла первый аккорд.

Мелодия началась спокойно, как тихий вечерний разговор после суматошного дня.

А день был действительно суматошным. Четыре часа назад закончилась дискуссия-встреча нашей и американской молодежи. Тема ее была обозначена коротким вопросом: «Кто мы?» Но на такой короткий вопрос можно было отвечать бесконечно, и любой — даже самый продолжительный — ответ все равно не мог быть полным и исчерпывающим.

Все это происходило летом 1973 года в маленьком местечке под Нью-Йорком. Местечко считалось курортным и в основном состояло из загородных вилл богатых ньюйоркцев. Самым большим здесь было несколько старомодное здание частного колледжа. Кстати, в его актовом зале два дня подряд как раз и проходила наша встреча. А в общежитии, пустующем во время летних каникул, мы жили...

Однако я о песне.

— Но где они, эти девушки?
Скажи мне, что стало с ними
С тех давних пор?..
— Девушки vyplи замуж...

Вопрос — ответ, вопрос — ответ...

Традиционный прием многих народных песен еще больше подчеркивал монотонность и даже некоторую шарманочность мелодии.

Мы сидели на больших каменных ступенях лестницы общежития. Было темно и прохладно. Липкий, дневной, одурманивающий зной кончился, отступил.

Но все еще казалось: этот зной где-то рядом, где-то очень близко. Казалось, что он никуда не ушел, а просто спрятался, притаился. И сейчас злорадно смотрит на нас из темной, едва различимой листвы и вовсе не различимых зарослей кустарника. Зной ждет своего часа, своего срока, ждет завтрашнего утра...

По-прежнему тихо и монотонно звучит песня.

Но я вдруг замечаю, что ее недавнее спокойствие как-то невидимо и непонятно перешло в странную печаль...

- Но где же мужья этих девушек?
- Скажи мне, что стало с ними
- С тех давних пор?..
- Их забрали в солдаты...

Нет, гитара не зазвучала яростнее или негодующе, и голоса певцов не стали громче. Но в этих голосах вдруг появился нерв, появилась какая-то знобящая невыносимая боль. И что-то изменилось в облике поющего негра. У него как-то сразу приподнялись плечи, заострились колени. А потом он закрыл глаза и оставшиеся куплеты песни пел уже не нам, а скорее самому себе...

- Но где же эти солдаты?
- Куда они подевались
- С тех давних пор?..
- Ушли на поля сражений...

Хочу повторить: было лето семьдесят третьего. И война во Вьетнаме еще продолжалась. И напичканные электроникой летающие суперкрепости каждую ночь бомбили Ханой и Хайфон, бомбили заводы и госпитали, дамбы и мосты, дороги и тропинки. Бомбили «по квадратам». Бомбили «по лучу».

И газеты Соединенных Штатов еще были полны выскопарными заявлениями военных и гражданских «патриотов», которые говорили о том, что на полях Вьетнама решается судьба не только «американского престижа», но и «всей западной демократии». И о том, что Америке необходимо сделать «последнее победоносное усилие» во вьетнамской войне.

А еще я знал: этот высокий черный парень, который сейчас сидит вместе с нами на каменных ступенях, этот парень, который, закрыв глаза, поет песню о цветах,

девушках и солдатах, этот парень уже был во Вьетнаме. Отвоевал и вернулся. Отвоевал и даже ни разу не был ранен. Ему повезло...

— Но что же стало с полями?
Скажи мне, что стало с ними
С тех давних пор?..
— Теперь на полях — могилы...

Днем после обеда я видел по телевизору пышную церемонию, которую передавали из какого-то провинциального американского городка: захоронение останков павшего во Вьетнаме солдата...

Сам он улыбался с фотографии — широкоплечий, красивый, белозубый. Под фотографией на бархатной подушечке блестела медалька, а рядом стоял гроб, завернутый в звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. По углам гроба величественно и отрешенно стояли в почетном карауле морские пехотинцы.

Сдержанно играл оркестр. Сдержанно звучали речи. Все было благопристойно, чинно и солидно...

И только, внося явный диссонанс в эту чопорную благопристойность, плакала навзрыд, рыдала в голос, ни на кого не обращая внимания, мать погибшего.

Ведь мертвый сын, даже если гроб его красиво задрапирован национальным флагом, все равно остается мертвым сыном. Мертвым навсегда...

Какими словами, в каких речах можно объяснить этой плачущей женщине, почему, зачем, во имя чего ее сын — такой молодой, такой сильный и умный сын — должен был отправиться неведомо куда, за тысячи миль от родного дома, и там в далекой, незнакомой стране, проклиная все на свете, шагать по чертовым джунглям, трястись от лихорадки, падать ничком в грязь и слушать, как над тобою свистят пули, стрелять самому, убивать, жечь, бояться ночи, ждать команды сержанта, и снова стрелять, и снова бежать в атаку по чавкающему рисовому полю, и не видеть врага, и кричать, а потом подорваться на mine, даже неизвестно чьей — вьетнамской или собственной?..

Он вернулся в родной город — этот молодой, сильный и умный парень. Вернулся в цинковом гробу.

Ну и на сколько вырос процент американского престижа? Намного ли расширились границы западной демократии?..

Я напоминаю снова: все это происходило летом семьдесят третьего.

И еще никто не знает, что в семьдесят шестом году (ровно через три года!) многие высокопоставленные лица Соединенных Штатов назовут участие Америки во вьетнамской войне «одной из главных ошибок Президента». Он, видите ли, слишком доверился своим генералам, своим военным советникам. Ошибся господин Президент. С кем не бывает?!

Сейчас об этом знают все, кроме пятидесяти шести тысяч погибших во Вьетнаме американских солдат. Они об этом не узнают никогда.

— Но я и могил не вижу!
Куда подевались могилы
С тех давних пор?..
— Они заросли цветами...

Вопрос — ответ, вопрос — ответ...

Над нашими головами висят крупные, влажные звезды. Мы сидим на ступенях лестницы общежития в небольшом курортном местечке неподалеку от Нью-Йорка. Трое американцев заканчивают свою песню. Пышноволосый негр поет ее, так и не открывая глаз. Гитара звучит сурово и тихо. Вот она на мгновение смолкает, а потом начинает опять. И я опять вижу вытянутый подбородок маленькой гитаристки.

И вдруг понимаю, что отзвучавшая последняя строфа песни — это вовсе не конец, а всего лишь предисловие к первой строфе, возвращение к началу...

— Куда подевались цветы?
Скажи мне, что стало с цветами
С тех давних пор?..
— Девушки их сорвали...

— Но где же они, эти девушки?
Скажи мне, что стало с ними
С тех давних пор?..
— Девушки вышли замуж...

— Но где же мужья этих девушек?
Скажи мне, что стало с ними
С тех давних пор?..
— Их забрали в солдаты...

— Но где же эти солдаты?
Куда они подевались
С тех давних пор?..
— Ушли на поля сражений...

— Но что же стало с полями?
Скажи мне, что стало с ними
С тех давних пор?..
— Теперь на полях — могилы...

— Но я и могил не вижу!
Куда подевались могилы
С тех давних пор?..
— Они заросли цветами...

«Всё возвращается на круги своя...»

И можно начинать песню снова. И повторяемость эта не будет топтанием на одном месте. Ведь песня построена так, что в новом ее круге, на новом ее витке мы уже будем петь, мы уже будем думать о других цветах, других девушках, других солдатах, других полях и могилах.

Слова песни останутся теми же самыми, а говорить они будут уже о совершенно другом поколении. И поэтому сама песня тоже будет новой. Повторится не она. Сначала повторятся судьбы людей, а она только пойдет за этими судьбами.

Но погодите, неужели этот замкнутый круг вечен и обязателен для каждого поколения Земли?

Неужели так и будет, неужели так и должно быть: человек рождается, вдыхает воздух первой весны своей, произносит свое первое слово, читает первую свою книгу, узнает свою первую любовь, работает, страдает, мечтает, радуется, и все это лишь для того, чтобы встретиться — обязательно, непременно встретиться! — с вою войну?

Неужели это должно быть и сегодня, сейчас, когда масштабы гигантской мощи оружия, придуманного человеком, давно уже переросли масштаб нашего земного шара?

Неужели у человечества не хватит мудрости, не хватит силы, чтобы разорвать этот вечный, этот страшный круг повторяемости?..

Мы должны его разорвать! Должны! Все вместе.

А если не сможем, если не сумеем, если устанем и опустим руки, то кто мы тогда?

Кто мы?

Кто?

МНОГО НАС

Много нас — людей — на белом свете.
Маются

серьезные умы:

в этой жизни,
в этой круговерти
сумасшедше

расплодился мы!

Бьют демографические взрывы,
сохнут реки,

и чернеет наст.

Города вспухают,

как нарывы.

Очень много,

слишком много нас!

Много нас.

(Ученый бомбу хвалит.)

Много нас.

(Эсминец рвет волну.)

Много!..

Только все-таки

не хватит

нас — людей —

на новую войну.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Снова дралась во дворе?..

— Ага!

Мама,

но я не плакала!..

Вырасту —

выучусь на моряка.

Я уже в ванне

плавала!..

— Боже,

не девочка, а беда!

Сил моих больше нету...

— Мама,

а вырасту я когда?..

— Вырастешь!

Ешь котлету...

— Мама,
купим живого коня?..
— Коня?!
Да что ж это делается?!
— Мама,
а в летчики примут меня?..
— Примут.
Куда они денутся?!
Ты же из каждого,
сатана,
душу
сумеешь вытрясти!..
.....
— Мама,
а правда, что будет
война
и я не успею
вырасти?..

НА ВОЕННОМ ПАРАДЕ

Вот уже вступила техника на площадь.
И уже
словно ток прошел по стайке
иностраннных атташе,—
нынче
фоторепортерами
работают они!..

А по площади,
по площади
течет река
брони!
Твердь земная
прогибается,
и стекла дребезжат.
Сверхсерьезные ракеты
на прицепах
возлежат!..

Наша общая забота.
Строгость оборонных дел.
Хоть никто из нас на этом
деле
не разбогател.

Мир

мечется без сна
в смертельных
передрягах.
И вся надежда
на
космических варягов.
Я слышал,
что они
должны предстать пред нами
в сверкании брони
и в ореоле знаний.
В особый час
прийти,
в последний миг
примчаться
и шар земной
спасти
от страшного несчастья.
Все сложности Земли
решить
легко и быстро...
Ах, если бы смогли!
Ах, если бы так было!..
Но лики звезд
мертвы,
там не найдешь спасенья.
Варягов нет —
увы!..
А Землю,
эту Землю
с ее мельканьем дней,
с ее разливом вешним
и всем,
что есть на ней,
то — вечным,
то — не вечным,
с березкой на пути,
полями
и лесами,—
обязаны спасти
и защитит
мы сами...

Над вечностью склоняясь,
большая и цветная,
Земля
 глядит на нас,
любя
и проклиная.
Укор —
 в глазах озер,
и грусть —
 в безбрежной шири...
А если не спасем,
зачем тогда
мы жили?

О «ГЕРОИЧЕСКИХ СНАХ» В ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АМЕРИКАНСКОМУ РОВЕСНИКУ)

Я пишу это письмо Вам — человеку, только что отметившему свое пятидесятилетие. Пишу, хотя и не знаю, в каком именно городе Соединенных Штатов Вы живете, чем занимаетесь и о чем мечтаете.

Знаю только, что волею судьбы мы оба пришли в этот мир в одном году и одном месяце и что когда-то над детством нашим грохотала вторая мировая война, где у нас был общий враг и общая победа.

Знаю еще, что, несмотря на то что нас разделяли океаны, языки и жизненные принципы, мы вместе восторгались и первым человеком, полетевшим в космос, и первым человеком, ступившим на Луну.

При нас умирали старые империи и рождались новые государства, сменялись моды и забавы, лилась горячая кровь и топорщилась холодная война, звучали здравицы и проклятия, развенчивались мифы и укрупнялись истины.

При нас на этой земле жили Эйнштейн и Бор, Пикассо и Корбюзье, Чаплин и Эйзенштейн, Элюар и Фрост, Шостакович и Гершвин, Шоу и Фолкнер.

При нас в мире появились ЭВМ и телевидение, сверхзвуковые самолеты и квадрофонические системы, лазеры и синхрофазотроны, операции на сердце и голография, атомные электростанции, радиотелескопы, шариковые ручки и многое, многое другое.

И все это время, все эти пятьдесят лет мы с Вами — каждый у себя дома — встречали и провожали одно и то же солнце, дышали одним и тем же воздухом и вглядывались в одни и те же загадочно мерцающие звезды ночного неба.

Люди нашего с Вами поколения достигли, как говорят на Западе, «государственного возраста». Да, и действительно, наши ровесники, живущие в разных странах мира, стали крупными политическими и финансовыми деятелями, известными учеными и конструкторами, врачами и юристами, редакторами журналов и газет, директорами огромных заводов и акционерных обществ, генералами и адмиралами. Во всяком случае, подавляющее большинство наших одногодков — это специалисты, знатоки своей профессии, своего дела.

У каждого из нас — устоявшиеся убеждения, вкусы, взгляды, привычки.

Как-то быстро и незаметно выросли и стали вполне взрослыми наши дети. Причем взрослость свою они доказывают не только дипломами о высшем образовании, но еще и тем, что, ни с кем не советуясь, неожиданно делают нас дедушками.

Нам — по пятьдесят. Мы накопили жизненный опыт. У нас есть силы. И пока что есть здоровье. (Правда, оно начинает пошалить, но тут уж ничего нельзя поделать...)

А самое главное: к нам иногда прислушиваются, и у некоторых из нас бывает возможность в какой-то мере влиять на других людей, влиять на то, что происходит в мире.

Поэтому я и пишу Вам это письмо, уважаемый ровесник.

Пишу, хотя и понимаю, что оно может показаться Вам наивным, сбивчивым, излишне эмоциональным.

Пусть так! Дело в том, что я больше привык писать стихи, а не подобные письма. Однако не написать этого письма я не мог. Не написать его я не имел права. Оно — мой долг, моя боль, мои бессонные сомненья и раздумья.

Для начала хочу рассказать Вам две короткие истории.

Молодая женщина, только что ставшая матерью, попросила объяснить ей, что такое нейтронная бомба. Просьбу выполнили, хотя объяснять пришлось долго,

ибо молодая мама не разбиралась ни в физике, ни в технике. Когда же объяснение закончилось, она сказала: «Спасибо, теперь я поняла... Нейтронной называется бомба, после взрыва которой моего ребенка не будет, но зато коляска, где он лежал, останется в целости и сохранности...»

Теперь — вторая история.

В школе дети писали сочинение. Тема его была довольно обычной: «Кем я хочу стать, когда вырасту». Вполне обычными были и профессии, о которых мечтали школьники. Они хотели стать космонавтами и инженерами, строителями и музыкантами, летчиками и артистами, моряками и водителями троллейбусов.

А одна девочка написала коротко: «Я хочу стать врачом. И когда вырасту, я им обязательно стану! Если только... не будет войны, и все мы вообще успеем вырасти...»

Такие вот слова написал одиннадцатилетний ребенок. И я не знаю, что мне этому ребенку сказать, как мне его успокоить.

Может быть, Вы знаете?

Но тогда успокойте, пожалуйста, не только этого ребенка, но и многих взрослых людей. Успокойте отцов и матерей, которые все тревожнее и суровее вглядываются в это летящее время, в эти поддны и полночи, в эти закаты и рассветы!

Разве можно сказать им сегодня: «Не бойтесь!.. Не волнуйтесь!.. Все будет в порядке!..»

А что именно «будет в порядке»? И когда? Как, каким образом можно вернуть огромному миру уверенность в завтрашнем дне?

Вы задумывались над этим, ровесник?..

Несколько лет назад президент Рейган пожелал американцам, чтобы им почаще снились «героические сны».

Я не собираюсь вмешиваться в Ваши внутренние дела, а тем более — в Ваши личные сны. Ради бога, спите, как угодно, смотрите все, что Вам нравится.

Да и потом, «героические сны...» — в этом словосочетании даже есть поэзия, есть некая возвышенность, романтичность, если хотите. Красиво сказано!..

Однако у меня появилось опасение: а не имел ли в виду господин президент — прежде всего и главным образом — чисто военную сторону героизма? И не жаждет ли он специально обострить международную

обстановку для того, чтобы проверить этот самый героизм в деле?

Я бы не думал так, если бы одновременно с призывом видеть «героические сны» не взметнулся — почти фантастически! — военный бюджет Вашего государства. Я бы не думал так, если бы одновременно не услышал заявления весьма видных американских деятелей, которые говорили о возможностях «ограниченной ядерной войны» и о том, что в США разрабатываются планы по нанесению «первого победного удара».

А вот это уже касается меня персонально. Ведь я как раз и живу в той самой стране, по которой Ваши военные собираются нанести «первый победный удар»...

Так что же Вам снится, уважаемый ровесник?

Я понимаю, что военная истерия, победоносный дурман могут захлестнуть даже очень образованных, честных и умных людей. Ну, еще бы, кому, скажите, не приятно ощущать, что он живет в стране могучей, энергичной, мускулистой, что за его спиной — сила флотов и армий, выверенность ракетных систем, мощь ядерных боеголовок!

И вот уже в нормальном человеческом голосе начинают звучать басовитые сержантские нотки. И уже хочется говорить исключительно самому и никого не слушать. И хочется на всё и на всех глядеть свысока. А уж на жителей других стран — тем более!.. «Кто такие? Как это «не согласны»?! Предупредить!.. Вразумить!.. На-ка-заты!» Бронированному кулаку всегда кажется, что любые — самые сложные и запутанные — мировые проблемы можно запросто решить одним ударом.

Так что же Вам снится, уважаемый ровесник?

Понимаете, я не хочу и не могу верить, что лично Вам однажды может присниться «героический сон», в котором от американских ракет и бомб будет гореть мой дом, мой город, моя страна, а Ваши — дом, город и страна — при этом будут жить, как жили.

Ну, а если такой сон Вам все-таки приснится, то я очень прошу не считать его вещим. Потому что в случае войны действительность для Вас будет несколько иной. Я бы даже сказал: совсем иной...

Дело в том, что через несколько минут после «первого победного удара», о котором сегодня так мужественно рассуждают Ваши военные специалисты, то есть, иными словами, через несколько минут после того, как погибнет мой дом, не станет и Вашего дома.

Пожалуйста, осмыслите этот факт и поверьте: никаких других вариантов развития событий в той страшной ситуации не будет! И ничего нельзя будет исправить, вернуть, и некому будет сказать, что Вы ошиблись, что Вы передумали, что Вы не хотели...

Только не считайте, что я угрожаю Вам — вовсе нет! Я просто говорю о реальном соотношении сил и возможностей, о реальном положении вещей.

Истина такова: нам грозит равная участь, и на наших плечах лежит равная ответственность перед миром.

Ну, а тот, кто, начав атомную войну, мечтает еще и выиграть ее, напоминает мне человека, который, живя в деревянном многоквартирном доме и вдрызг разругавшись с соседями по этажу, однажды решает этим самым соседям жестоко отомстить. И для этого он ночью обливает двери их квартиры бензином и — поджигает...

Месть вроде бы удастся, но радость подобного «мстителя», как Вы понимаете, будет отнюдь не безоблачной и главное — очень недолгой. Огонь для всех огонь.

Однако если во время любого пожара все-таки существует хоть какая-то надежда спастись, если из горящего дома можно хоть как-то выбраться, выбежать, даже выпрыгнуть, то (ответьте, пожалуйста!) что будет с нами, жителями огромного многоквартирного дома, который называется планетой Земля? Что будет с нами, когда этот дом запылает в одночасье? Где мы тогда спасемся? Как выбежим? Куда выпрыгнем?..

Впрочем, у Вас в стране я видел шикарные рекламные проспекты противоатомных бомбоубежищ.

Что ж, кое-кому (а в первую очередь — владельцам строительных фирм, выпускающих такие убежища!) бетонный бункер и впрямь кажется прекрасным выходом из создавшейся ситуации.

Я все же хочу уточнить: это никакой не выход. Это только — вход. Вход без выхода.

И дело даже не в том, что здесь окончательно замыкается круг истории человеческой цивилизации: от естественных пещер каменного века к искусственным пещерам века атомного, — дело, повторяю, не в этом, а в том, что подобные пещеры-гробы никогда не смогут стать — как это сказано в рекламе! — «коконами грядущего».

щего». При всем своем комфорте они гораздо лучше приспособлены для медленного сумасшествия, чем для жизни...

От общей беды, которая грозит нашей планете, никто не сможет спрятаться, не сможет отсидеться ни за самыми широкими океанами, ни за самыми высокими горами. Беда придет даже в супернеприсоединившиеся сверхнейтральные страны. Пусть не сразу, но — придет обязательно.

Ибо радиоактивные дожди и снега не понимают, что такое государственная граница, а радиоактивный ветер вряд ли остановится перед табличкой: «Частная собственность»...

К сожалению, беда грозит всем. Так говорят ученые физики, биологи, врачи. Так утверждают специалисты которым можно и нужно верить.

А еще нужно верить в то, что на Земле нет и не может быть такого принципа, нет и не может быть такой идеи, ради которых стоило бы начинать войну, реально грозящую истреблением всего живого!

Надо остановиться, ровесник.

Надо опомниться и обуздать этот дьявольский, это бездумный темп гонки вооружений, обуздать во что бы то ни стало!

Ведь каждая спираль такой гонки, при всех своих невероятных технических достижениях и открытиях ведет нас — людей — вовсе не к прогрессу, а — к пропасти!

Двум нашим державам необходимо договориться. Причем договориться по-настоящему, надолго, всерьез. Договориться, переступив через взаимное недоверие и предвзятости, начисто забыв о сиюминутных пропагандистских выгодах.

Выгадать в результате таких переговоров должна некая-то одна сторона, а все мы. Все Человечество.

Если не договоримся, будет очень плохо...

Я снова и снова вглядываюсь в этот просторный, тревожащий, кружащийся мир, снова и снова вспоминаю все, что есть в нем вечного, высокого, светлого, трагичного, открытого и непознанного, и меня охватывает, — вовсе не страх, нет! — а чувство невыносимой глубинной горечи и щемящей обиды.

Устали
гадать на картах,
в напрасной надежде
жить...

Устали
швейные фабрики
военную форму
шить!
Устал
самолет реактивный
лететь
навстречу войне!
Лесная дорога
устала

танки
тащить на спине!..
Усталость
сковала планету.

Настала
такая пора...

Устал океан
раскачивать
ракетные крейсера!
Ему
ощущать надоело
железный привкус
беды
и прятать

подводные лодки
в бездонных толщах
воды!..

От грома
устало небо.

Устала земля,
когда
на ней —
сплошные мишени,
мишени,
а не города!..

И даже металл
бездушный,
холодный,
тупой металл

Средства
массовой информации.
Средства
массового уничтожения.

* * *

Ковентри,
Герника,
Орадур.
Это ветер памяти подул...
Кто забыл
 про эти города,
пусть не удивляется,
когда
небо полыхнет над головой,
вскрикнет и обуглится земля,
будут стоны — зря,
и слезы — зря,—
мертвым
 позавидует
 живой!
«Да за что?!
Да я-то тут при чем?!»
...Потерявший память
обречен.

НА ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ЗЕМЛЕ

Итак, «Першинги-2» и крылатые ракеты заняли место в Европе.

Место, которое было указано из-за океана. И в случае конфликта земли европейских союзников США станут мощным магнитом, который обязательно будет притягивать к себе ракеты другой стороны.

Установив «Першинги», американцы заявляют, что это — вызов нам. А на самом деле это вызов не только нам, но и всему Человечеству.

Новый виток гонки вооружений. Новые тревоги и без того тревожного мира. Новые волнения, заботы, страхи. И — вопросы, вопросы...

Если когда-то подобная ситуация в основном касалась лишь профессионалов — политиков, дипломатов,

военных, то нынче все — политики, все — дипломаты, каждый — специалист по военным делам. А как же иначе? Проблема-то касается всех! Абсолютно всех, без исключения.

Положение действительно серьезное.

Однако поддаваться панике мы не станем. А будем жить, будем выполнять свой долг, укреплять свою Родину, работать и помнить о том, что даже теперешняя — предельно визгливая, предельно разнузданная — антисоветская, антисоциалистическая истерия является продолжением уже знакомой нам, давней и в общем-то не слишком меняющейся антисоветской политики империалистов.

Той самой политики, которую в свое время проводили Чемберлен, Керзон, Черчилль, Трумэн.

Да и «крестовые походы» против нас объявлялись уже не однажды. Так что и в этом лозунге нет ничего нового. Все это уже было.

Не было только одного: никогда еще перед человечеством так реально и так неотвратимо не стоял вопрос: быть или не быть самой жизни на Земле?

Но даже перед глыбой такого вопроса суть буржуазной политики остается прежней. А западная пропаганда делает вид, что вопроса этого не существует, что в нем «слишком много эмоций» и что он «выгоден только Москве». И в то же самое время громоздит небылицу за небылицей, изворачивается, размахивает жупелом «советской военной угрозы», лжет снова и снова, короче: верой и правдой (а точнее — верой и неправдой) продолжает служить своему классу.

Получается так, что официальные средства массовой информации на Западе постепенно становятся составной частью средств массового уничтожения. Только одни средства нацелены на города, а другие — на души людей. Причем в первую очередь — на души собственных граждан.

Людям постоянно твердят о допустимости и даже неизбежности войны в современном мире. Хотят, чтобы мысль эта стала для них вполне привычной, обыкновенной, нормальной мыслью.

Из людей всеми силами выжигают добрый опыт прошлого, клеветают на саму идею международного сотрудничества, учат ненависти к другим народам и государствам, подчищают историю Земли.

К примеру, совместный советско-американский фильм «Великая Отечественная война» шел на Западе, как вы знаете, под названием «Неизвестная война».

И название это не было рекламной находкой, оно вполне соответствовало действительности. Для двух послевоенных поколений Запада война, которую вели народы мира против фашизма, сейчас уже и впрямь — неизвестна. Во всяком случае, судя по одной из анкет, многие американские школьники убеждены в том, что Советский Союз во время прошлой войны сражался на стороне Германии.

Из людей уже вытравлена истина, над ними проведена сознательная профессиональная, а в общем-то насильственная операция — лишения памяти.

Обработка общественного мнения на Западе ведется мощно и целенаправленно, ведется по всем направлениям, на всех уровнях.

Между прочим, начинается она с самого детства. Однажды в Штатах по телевизору я видел мультфильм, в котором главным отрицательным героем был волк. Как и положено, в этой личности был собран целый букет отрицательных качеств — волк был коварен, кровожаден, труслив, жесток, лжив и т. д. Ну, а для того, чтобы зверь этот был совсем страшным, на его груди была нарисована красная звездочка, а на шалке — серп и молот.

Я повторяю: это — мультфильм, продукция для самых маленьких, для тех, которые еще ничего не понимают в политике взрослых дядей. И, конечно, можно пожалть плечами и посмеяться над подобным примитивом — глупость есть глупость.

Но смеяться мне почему-то не хочется.

Ибо когда американские детки чуть подрастают и идут в начальную школу, им популярно объясняют, что в мире есть разные страны и народы. И что есть народы хорошие, добрые, а есть очень плохие, злые, кровожадные, мечтающие покорить весь мир. Это говорится про наш народ, про нас с вами.

Детки открывают учебник истории. И в нем наша с вами история заканчивается последним царем. А дальше начинается уже не история, а черт знает что — сплошной мрак, невежество, хаос.

А по телевидению в это время, помимо других сериалов, идет специальная серия, рассказывающая о деятельности «агентов Кремля» в Америке. Агенты эти,

как водится, коварны, кровожадны, трусливы, жестоки (вспомните волка из мультфильма!). И занимаются эти «красные шпионы», естественно, самыми бесчеловечными делами (к примеру, отравляют воду в питьевом водоеме, поджигают больницу, захватывают школьный автобус с детьми). Правда, в конце каждого фильма brave ребята из ФБР довольно лихо расправляются с этими «кошмарными русскими», но каждый раз парочка шпионов остается на свободе, ибо она нужна для следующего фильма серии.

Подчеркиваю: никаких художественных достоинств подобные фильмы не имеют, однако они идут на экранах, идут каждую неделю и являются заметной частью того гигантского антисоветского «ширпотреб», в который, помимо специальных телепередач, статей, книг, альбомов, игрушек и прочей продукции, входят еще и такие «незначительные мелочи», как, скажем, майка с надписью: «Смерть коммунистам!» или же красочный значок, призывающий: «Убивайте русских!»

Я ничего не придумываю. Все это я видел своими глазами, видел не раз и не два.

Что же касается американских газет, то один мой друг, долгое время проработавший в нашем представительстве в Нью-Йорке, взял, ради интереса, годовую подшивку газеты «Нью-Йорк таймс» и посмотрел, что же за год было там о нас написано.

Так вот, среди примерно пятисот крупных и мелких статей, репортажей, заметок, сообщений, рассказывающих о «советской военной угрозе», «крахе наших планов», «убогости советской культуры», «кознях Кремля», жизни диссидентов и т. д., в этой весьма солидной, очень многостраничной газете за целый год был напечатан только один (подчеркиваю — о д и н!) более или менее нейтральный материал, рассказывающий о том, что через несколько часов после большого снегопада в Москве по главным улицам нашей столицы «все-таки можно было проехать...»

Вот и представьте себе осведомленность человека, читающего, допустим, только эту газету. Ну, а если он ее не читает, а лишь просматривает заголовки? Ведь даже та — нейтральная — статья была озаглавлена: «Страшный снегопад в Москве!..»

В разное время мне довелось выступать во многих американских университетах. Я помню эти встречи до

~~ск~~ пор. Помню доброжелательную искренность залов и аудиторий.

А еще я помню и вопросы, на которые мне пришлось отвечать. Не все вопросы, а лишь те, что вызвали у меня особенное недоумение. Поначалу я даже думал, что студенты меня разыгрывают — такими странными и нелепыми были эти вопросы.

Судите сами:

— Есть ли в Москве заасфальтированные улицы?..

— Выпускаются ли в России легковые автомобили?..

— Есть ли у вас телефоны-автоматы?..

— Существует ли у вас телевидение?..

(Учтите, что все это спрашивают люди, как правило, зная, что мы запустили первый спутник и послали в космос первого человека!)

Пойдем дальше:

— Правда ли, что у вас в школах запрещено преподавание иностранных языков?..

— Правда ли, что для того, чтобы жениться, вам нужно брать разрешение в партийном комитете?..

— Правда ли, что, когда вашим детям исполняется два года, их у вас отбирает государство?..

И тут же: «Правда ли, что у вас общие жены?..»

И тут же: «Как вы решаете проблему медведей на улицах?..»

— Каких медведей?! — не понял я. Мне объяснили: «Так ведь у вас вокруг всех городов растут дремучие леса, и мы читали, что медведи постоянно появляются в ваших городах...»

Вот какими были эти вопросы.

Над ними, конечно, можно посмеяться, а над теми, кто их задает, при случае можно вдоволь поиронизировать.

Но ведь студенты почти ни в чем не виноваты. Ибо уровень их представлений о нас уже заранее запрограммирован. Можно даже сказать, что дремучее невежество это вполне сознательно воспитано и взлелеяно долгими годами антисоветизма, упорными усилиями западной пропагандистской машины.

Хозяевам хваленого «общества равных свобод и возможностей» не нужна правда о нас. Совсем не нужна.

Так им легче делать из советских людей варваров. Недочеловеков. Монстров. Исчадий ада. Так им проще громоздить небылицу за небылицей, кричать о «совет-

ской военной угрозе», обманывать собственных граждан.

В конце концов, так им проще говорить о возможности и даже необходимости новой войны...

Однако, твердя о новой войне, они и старой-то войны по-настоящему себе не представляют.

Да, конечно, они воевали во время второй мировой.

Их парни, одетые в солдатские мундиры, тоже умирали на полях сражений. Умирали в Нормандии и Арденнах, на Сицилии и на Рейне, в Северном море и на многочисленных островах Тихого океана.

Тогда они сражались с фашизмом. Тогда они заслуживали собой Америку. И поэтому воевали храбро, мужественно, не щадя себя.

Умирали они и потом, после.

Умирали в Корее и Вьетнаме. Умирали в Лаосе и Камбодже. Умирали, топча чужую землю, погибая в чужих болотах, позоря Америку.

Умирали, не зная, за что, не понимая, во имя чего...

Да, они воевали. И все-таки они не знают настоящей войны.

Ибо воевать им приходилось всегда вдали от своей Америки, вдали от своих городов, гор и лесов. На их собственные, такие красивые и уютные дома, на их знаменитые автострады, на их щедрые, ухоженные поля никогда, ни разу за всю американскую историю не упала ни одна бомба.

И они даже не могут себе представить, как это выглядит, когда с грохотом рушится крыша твоего дома и под обломками умирает твоя любимая дочь, а твой сын кричит из-под развалин и помочь ему уже не может никто, потому что все вокруг горит, взрывается, рушится! И плавится камень, и скручиваются в немыслимый клубок рельсы, и жирный дым застилает небо. И стонет сама земля, и каменные от горя матери, у которых уже нет ни сил и ни слез для того, чтобы плакать, бродят по мертвым улицам...

Не знают они настоящей войны, не знают!..

А та война, которую они себе представляют и которую рекламируют, слишком напоминает голливудские фильмы, где похожие на бравых шерифов морские пехотинцы, простившись со своими очаровательными подругами, куда-то летят, плывут, бегут, очень метко стреляют, запросто справляются с любыми врагами и

при этом всегда остаются удивительно живыми, красивыми и киногеничными. И, конечно же, все это происходит обязательно в чужих экзотических краях, на чужой земле, очень далеко от Америки.

Не зря же на одном из радужно-зазывных американских плакатов написано так: «Если вы любите путешествовать и желаете увидеть мир, вступайте в морскую пехоту!»

Что ж, нынешнее человечество хорошо осведомлено о том, где и как «путешествовали» недавно американские морские пехотинцы.

К примеру, казалось бы совсем случайно, они «заехали» в Ливан (говорили, что ненадолго, но, очевидно, так им там понравилось, что и уезжать не хотелось). Потом они «навестили» Гренаду, и, судя по высказываниям Рейгана, остров этот тоже пришелся им по душе. Да и от границ Никарагуа морские пехотинцы вот уже несколько месяцев оторваться не могут. (Наверное, очень уж полюбили они природу здешних мест. Замечательная природа — что и говорить!..) Вот и «путешествуют» морские пехотинцы, вот и стараются удовлетворить свое естественное желание «увидеть мир».

А мы знаем, какой страшный, искореженный, залитый кровью мир оставляют они после своих «экскурсий».

Но этого мира им не жалко. Ибо — повторяю — для них это всегда чужая земля, чужие народы, чужие города и чужие судьбы.

Зато каждая такая «победа» (в том числе и над безоружными людьми) в Соединенных Штатах сразу же объявляется «блистательной», и это приводит американских военных в неопишуемый восторг. Они буквально заходятся в крике, соревнуясь друг с другом в победоносных комментариях и выводах, подбадривая себя и запугивая других. Ах, как у них кружатся головы от подобных «побед»!..

Не знают они настоящей войны, совсем не знают.

Но, между прочим, в этом их незнании тоже заключена огромная опасность для судеб всей нашей планеты.

Ибо люди, не имеющие реального, всестороннего, страшного опыта прошлых, «обычных» войн, сегодня,

сейчас — причем не на словах, а на деле — ~~готовят для~~ человечества войну ядерную.

Готовят, никого не слушая и ничего не желая понимать.

Готовят, презирая своих союзников, считая их жалким пушечным мясом и всерьез рассуждая о некоей «гуманности» современных средств массового уничтожения.

При всем этом они еще с какой-то детской наивностью полагают, что грядущая война начнется и будет долго-долго идти где-нибудь в Европе или Азии, Африке или Латинской Америке, Австралии или даже в Антарктиде — в общем, где угодно, только не на территории Соединенных Штатов!

Так им хочется. Причем хочется сильно.

Но ведь будет совсем не так, как им хочется.

И если они эту войну начнут, если они, вопреки здравому смыслу, посмеют ее начать, то практически одновременно со взлетом их ядерных ракет обязательно взлетят и наши ракеты.

И тогда война придет на американскую землю.

И будут гореть и х города, и х поля и леса. Будут рушиться и х дома, умирать и х жены и дети, плакать и х матери.

Они впервые узнают, что такое реальная (а не рекламная) война, и это будет последнее, что они вообще успеют узнать.

Неужели они этого не понимают?! Неужели надеются на какое-то везенье, верят в неожиданное, необъяснимое чудо?!

Никакого чуда не будет. Будет явь. Неотвратимо жестокая явь.

И даже телевизионный фильм «На следующий день», тот самый фильм, который недавно потряс всю Америку, покажется жалким подобием того, что произойдет на самом деле. Действительность будет гораздо страшнее.

Я пишу эти строки без всякого злорадства. С горечью пишу. С болью. Однако не написать их я не могу. Потому что ведь это против нас — против Советского Союза — объявлен крестовый поход. Поход всерьез. Поход на уничтожение «иноверцев».

И ведь это американский президент заявил, что отныне Соединенные Штаты намерены разговаривать с нашей страной лишь «с позиций силы». И что лично

он жаждет довести эту самую силу до такой степени, чтобы в любой точке планеты, невзирая ни на какие сложности, ни на какие суверенитеты, всегда отстаивать собственные имперские интересы, диктовать свои условия.

И ведь это не наше, а американское руководство ширококвещательно объявило о том, что не собирается отказываться от «стратегии первого удара». И о том, что удар этот будет прежде всего нанесен по важнейшим «военным, промышленным и политическим центрам Советского Союза...»

Я не знаю, что конкретно они имеют в виду, говоря о советских военных центрах, но зато, что такое наши промышленные и политические центры, знаю достаточно хорошо.

Прежде всего это город, где живет моя мать, моя жена и дочери, мой брат и мои маленькие племянники. А еще — это наши очень древние и совсем еще юные города, северные и южные, тихие и шумные, абсолютного непохожие друг на друга.

Города, где живут очень родные мне люди, мои большие друзья, живут их семьи, живут и работают, мечтают и надеются, грустят и смеются тысячи, миллионы знакомых и незнакомых мне советских людей.

А еще это города братских социалистических стран. Тоже невероятно разные, очень красивые, то овеянные многовековой славой, а то возникшие совсем недавно. Города, где живут сердечные, трудолюбивые, мирные, очень достойные люди.

По всем этим городам и по всем этим людям американские военные стратеги готовятся нанести первый ядерный удар, а потом, если понадобится, и второй, и третий.

Так неужели кто-то думает, что мы, видя все их приготовления, будем сидеть сложа руки? Неужто кто-то надеется на то, что мы вдруг испугаемся, что мы покоримся?

Нет, не испугаемся. Не покоримся. И сидеть сложа руки тоже не станем.

Именно об этом не раз и не два заявлял Константин Устинович Черненко. Заявлял весомо и четко. Заявлял, обращаясь ко всем людям Земли. Ко всем ответственным руководителям государств нашей планеты.

К сожалению, среди нынешних руководителей некоторых государств встречаются деятели и явно безответственные. Но пусть они тоже вчитаются, вдумаются в спокойные и весьма серьезные слова Председателя Президиума Верховного Совета СССР Генерального секретаря нашей партии.

Разве не ясно, что гонка вооружений в принципе бессмысленна? Она, конечно, может увеличить прибыли западных монополий, производящих оружие. Но вот увеличить или укрепить так называемый «порог безопасности» тех же Соединенных Штатов сегодня уже не может никакая гонка никаких вооружений.

Ибо мы, Советский Союз, не стремясь быть в военном отношении сильнее всех в мире, всегда будем достаточно сильными для того, чтобы у любого агрессора желание начать войну с нами было равнозначно желанию покончить жизнь самоубийством.

При всем этом мы по-прежнему остаемся верными, честными и убежденными сторонниками сокращения вооружений. Любых. И до любого — самого низкого уровня.

Мы будем неустанно и последовательно бороться за мир. Это — суть нашей политики.

Сейчас во всех странах и на всех континентах Земли проходят антивоенные, антиядерные выступления, митинги, демонстрации. Они объединяют десятки, сотни миллионов людей. Объединяют буквально всех. Потому что сама проблема объединяет всех.

Официальная буржуазная пропаганда называет эти выступления «происками коммунистов».

А ведь это — «происки» жизни. Нормальной человеческой жизни.

Люди хотят жить.

Это — их самое главное, самое священное право.

* * *

Льдины, растаяв,
становятся синью в реке.
Птицы, взлетая,
становятся стаей упругой.
Дети,
рождаясь,
кричат на одном
языке.

Заклиная взрослых людей
понимать
друг друга!

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

До теперешней
нашей Земли,
до ее дождей
и метелей
бронтозавры не доползли,
птеродактили не долетели.
Это —
личная их беда,
за нее
никто не в ответе.
Заблудились.
Пошли не туда.
Смерть нашли в тупиковой ветви...

Древо жизни
листвой шелестит,
ветвь — направо
и ветвь — налево.
«Человек разумный»
сидит
на вершине этого древа.
Он — мыслитель.
Он хмурит лоб.
Человека идея гложет:
хочет что-то придумать,
чтоб
самого себя
уничтожить!
Он подпер подбородок рукой —
вождь прогресса,
краса и гордость...
Он — придумает!
Он — такой!
Вы, пожалуйста, не беспокойтесь!..
А над ним проносится век.

Повороты.
Круговороты...
Да неужто
и человек —
тупиковая ветвь природы?!

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

«Культурный слой — (археологич.) слой образующийся из органических и стронтовых остатков на месте всех человеческих поселений... Толщина культурного слоя колеблется от нескольких сантиметров до 20 м и более».

Из Энциклопедии

А каким он будет —
«культурный слой»,
какой наполненности и толщины
после этой —
грозящей миру —
войны,
самой последней и самой злой?..

Ну, и что же они расскажут потом, —
(а главное:

кому?
и когда?) —
эти спекшиеся стекло и бетон,
ставшие кладбищами

города?
На каком языке прозвучат слова?
Кто их сможет услышать и перевести?
Кто откликнется? —
если даже трава
на убитой земле
перестанет расти?..

О какой культуре простонут, —
скажи! —

о каком величье,
каком вчера
эти камни
Собора Святого Петра.

СОДЕРЖАНИЕ

Слушая радио	3
Выбор	4
«Что же такое «мы»?..»	9
Баллада о молчании	10
Послевоенная песня	14
Воспоминание о песне	14
Много нас :	20
Подслушанный разговор	20
На военном параде	21
«Мир мечется без сна...»	23
О «героических снах» в тревожное время	24
Усталость :	30
Вечер у телевизора в Нью-Йорке	32
«Ковентри, Герника, Орадур...»	33
На одной и той же земле	33
«Льдины, растаяв, становятся синью в реке...»	42
Черный юмор	43
Культурный слой	44
Ксени :	45

РОБЕРТ ИВАНОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЗЕМЛЮ СПАСТИ

М., «Известия», 1984, 48 с.

Редактор **Г. Меликянц**

Художник **И. Бронников**

Художественный редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **А. Гинзбург**

Корректор **В. Волк**

ИБ № 892

Сдано в набор 10.05.84 Подписано в печать 07.08.84. В05038.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Печать высокая.
Гарнитура «Валтика». Печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр.-отт. 2,73.
Уч.-изд. л. 2,47. Тираж 50.000 экз. Заказ 1790.

Цена 20 коп.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»,
103791 ГСП, Москва, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий
Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова.
Москва, Пушкинская пл., 5.

20 коп.